

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

ЦДЛ

РОМАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Дубовые стены обеденного зала были коричневые, прокалённые, пропитанные табаками курильщиков, запахами кофейных зёрен, дымком жареного мяса, ароматами вкусных вин. Отломи ломтик дубовой доски, кинь в кипяток, и вода станет темнеть, как в чашечке кофе. Пей, смакуя, маленькими глотками, вкушай, дожидаясь, когда появятся галлюцинации. Тебе вдруг явится Максим Горький, похожий на моржа, с вишнёвой трубкой, только что провозгласивший мистическое учение Соцреализма. Исаак Бабель, испивший славу своей слёзной и кровавой “Конармии”. Александр Фадеев вернулся из Кремля и нащупывает среди рукописей холодное тельце пистолета. Константин Симонов, щеголеватый, с обольстительными усиками, льёт вино в бокал очередной красавицы...

Виктор Ильич Куравлёв был автором нескольких книг, снискавших благосклонность критиков. Однако книги не одарили его ослепительным успехом, когда произведение вдруг полыхнёт, опалит хладные умы ценителей, утомлённых воспеванием одних и тех же обветшалых кумиров. Такая книга ворвётся неожиданно, словно метеорит. Озарит, обожжёт, прогрехочет, как взрыв. Пошлёт взрывную волну читателям, заждавшимся нового литературного светоча.

ПРОХАНОВ Александр Андреевич родился в 1938 году в Тбилиси. Окончил Московский авиационный институт. Автор многих книг прозы и публицистики, романов “Чеченский блюз”, “Красно-коричневый”, “Идущие в ночи”, “Господин Гексоген”, “Крейсерова соната”, “Человек звезды”, “Время золотое”, “Убийство городов”, “Губернатор”, “Гость”, “Певец боевых колесниц”. Живёт в Москве.

Но взрыва всё не было. Была короткая вспышка, не способная затмить царствующие светила. Новая выпущенная Куравлёвым книга обещала долгожданый триумф, дразнила честолюбие сладкими и пугающими ожиданиями.

Куравлёву было под сорок. Большой белый лоб без морщин, словно его не коснулись мучительные раздумья. Длинные каштановые волосы ниспадали почти до плеч, что вынуждало Куравлёва изредка встряхивать головой, отбрасывая назад мешавшую прядь. Серые глаза прищурены, как у стрелка, который высматривает цель. Рот насмешливый, но в улыбке не было злой иронии, а только весёлость человека, которому многое кажется забавным. Он не позволял себе высмеивать чужие недостатки, вслух подмечать слабости литературного письма собратьев по перу.

Книга, на которую он уповал, называлась “Небесные подворотни”. Она была об архитекторе-футурологе, что проектировал города будущего. Космические поселения, подводные лаборатории, летающие небоскрёбы, которые распадались на малые частицы и, как семена одуванчика, неслись по ветру в полярные льды, раскалённые пустыни и там вновь собирались в города. Фантазии архитектора проходили в современной Москве, среди заводских конвейеров, очистных сооружений, мясокомбинатов с окровавленными тушами, среди многолюдных рынков и весёлых аттракционов. Метафора книги сводилась к тому, что мечтатель-одиночка стремится преодолеть гравитацию материального мира и вырваться в чудесные миражи будущего. Он терпит крах, завещая своё дело будущим поколениям. “Я потерпел земное поражение, но одержал победу в небесах”.

Теперь эта книга, только что из типографии, в девственной свежести и красоте, лежала на столе Дубового зала ЦДЛ, где Куравлев с приятелями праздновал её выход.

— Ну, что, Витя, я тебя поздравляю с добротным романом. Полагаю, это твоя лучшая книга. — Писатель Антон Макавин, близкий друг Куравлёва, поднялся, держа в руках рюмку водки. — Этот роман — мечта о будущем. Сегодня литература тоскует о прошлом. “Деревенщики” — плакальщицы о былой деревне, где витал настоящий русский дух. “Городская проза” Трифонова не может смириться с разгромом ленинской гвардии, откуда все они родом, и власть попили русской кровушки. Твой роман, Витя, о будущем, которое так и не наступило. Поздравляю с книгой! — Макавин чокнулся с Куравлёвым, вся застольная братия потянулась следом. Макавин был породистый крепкий уралец, в которого чуть капнула азиатская кровь, подарила ему широкие скулы и узкие степные глаза. Он писал небольшие рассказы и повести о современном человеке, утратившем всякую связь с государством, бегущем от государства, кто в странствия, кто в запой, кто в камерную потаённую любовь. Куравлёв ценил его добротный слог, лишённый образности, где фразы напоминали грубоватые деревянные бруски с запахом распиленного леса.

Уже были съедены мясные и рыбные закуски, картофельные клубни с селедкой, и следовало подавать жюльены. Поднялся с рюмочкой Пётр Липустин, низкорослый, с синими колкими глазками, с золотистой бородкой, маленький красивый помор, писавший свои романы о староверах и странниках на волшебном языке, на коем, как он утверждал, говорили его предки в рыбацких артелях, в охотничьих угодьях. Ставили по берегам Мезени громадного роста “обетные” кресты, распевая песни о корабльщиках и синем море.

— Ну, что мне сказать, Витя? Хорошая разноцветная книга. Такие метафоры, упадёшь в одну, как в волчью яму, и барахтаешься, пока кто-нибудь шест не протянет. Конечно, никто из нас так не опишет машину, словно она тварь живая, а не железяка бездушная. Но душу, душу сумеи описать! Русская литература душевная, а у тебя вместо души — самолётный пропеллер. Ты, Витюха, не обижайся за мои слова. Книга твоя бесподобная! — Он закрыл синие глазки, опрокинул рюмку, отёр рукавом золотые усы.

— Витенька, не надо метаться, не надо куда-то мчаться. Смотри на мир широко открытыми глазами, и мир сам к тебе придёт. — Писатель Анатолий Апанасьев, похоже, не читал книгу. Но в его милом лице, в круглых

птичьих глазах было столько дружелюбия, искренней радости, что Куравлёв прощал Апанасьеву легкомыслие, невесомость суждений, которыми были полны его ироничные рассказы. У этого славного, одарённого человека слушались запой, появилась большая склонность играть на автоматах. Он просаживал все гонорары, обрекая на страдания очаровательную жену, принимавшую его дома после попойки и уличной драки.

— Русская литература умеет описывать душу, природу, крестьянский и дворянский быт. А машину не умеет. Куравлёв же умеет. Он одухотворяет машину, не даёт ей сбеситься, позволяет рядом с машиной жить человеку, расти дереву. Это твой подвиг, Куравлёв, но и твой крест. Тебя возненавидят “деревенщики” и проклянут жившие в “Доме на набережной”. — Все это ворчливо и обиженно произнёс писатель Фаддей Гуськов, почитавший себя последним русским романтиком, считавший вершиной русской словесности “Петербург” Андрея Белого.

— Я считаю, книгу Куравлёва прорывной. В главном герое — каждый из нас. Мечтает о красоте, о чуде, а его топчет тоталитарное государство, как оно всегда топтало художника. Язык великолепный. Бойня в центре Москвы, заклятие коров — это ужасно и восхитительно! Очистные сооружения с мутной канавой, по которой, как белые пузыри, плывут тысячи презервативов после обычной московской ночи! Витя, обещаю хвалебную рецензию в “Литературной газете”. Мне её уже заказали. — Критикесса Наталья Петрова, нервная, худая, с узким козым лицом, по которому пробежал болезненный тик, была равнодушна к Куравлёву. Добивалась его внимания, уповав на незримую зависимость писателя от критика, который тонко этой зависимостью пользовался.

— После выхода статьи Натальи ты, Витя, станешь, наконец, знаменитостью. Обещаю тебя повести в “Аэропорт” и представить “властителям дум”. Не в кабинетах начальства, а в квартирах “Аэропорта” вершится литературный процесс, создаются и рушатся репутации. — Поэт Марк Святогоров, щекастый, лупоглазый, с сеткой красных сосудов на носу, с румянными плотоядными губами, слыл посредником между литературным миром и влиятельными кругами, проживающими в писательских домах у метро “Аэропорт”. Его называли “свахой”, а иногда и “сводней”. Он водил на смотрины молодых писателей, чтобы те получили мандат, открывавший двери в “большую литературу”. — Скажи, Витя, когда будешь свободен? Андрей Моисеевич Радковский ждёт нас в любое время.

Куравлёв выслушивал их всех с благодарностью. Иногда слегка обижался. Сознавал, что с этими высказываниями книга начинает своё публичное существование. Из рабочего кабинета писателя, из типографии уходит в мир.

Официантка принесла на подносе жульены, в маленьких мисочках с длинными ручками желтели запечённые в молоке грибы.

— Таня, ещё графинчик водочки. Только холодненькой, — попросил Куравлёв официантку, полную красавицу, разряженную быстрой ходьбой и одной-двумя чарками, которые она успела перехватить на бегу.

— Может, сразу пару графинчиков? Поздравляю, Витя, с новой книгой! — Она просияла красивыми влажными глазами, в которых была искренняя радость, озорная весёлость и какое-то бабье тёплое и нежное обожание.

Их был десяток, официанток ЦДЛ, уже не молодых, состарившихся и подурневших за годы работы в ресторане. Они, эти Тани, Раи, Аллы, были не просто обслугой. Они были весталками Дубового зала, хранили дух огромной, вздорной писательской семьи, полной вражды, интриг, честолюбивых гордецов, пьяных скандалистов, весёлых развратников. Они носились с подносами и знали состояние литературных дел не хуже титулованных критиков, хотя едва ли читали толстые романы знаменитостей или тощие поэтические книжицы поэтов-неудачников. Официантки следили за вознесением и угасанием кумиров. Знали их любовные связи с женщинами-однодневками, которые, как бабочки, появлялись и исчезали в Дубовом зале. Они прощали пьяным бузотёрам грубости, слушали исповеди, ссужали деньги пропойцам. Они были на триумфальных торжествах и печальных панихидах, когда провожали в безвестность очередного завсегдатая Дубового зала. Они прижимали к своим

пышным грудям голову плачущего пьяницы, принимали от успешного творца щедрые чаевые, приберегали столики для любимчиков, тех, кто смог прийти в ЦДЛ поздно вечером. Они имели здравое суждение о каждом писателе не только по его щедрости или скарденности, но и ценили дарование каждого, не уступая литературным критикам. К их числу принадлежала официантка Таня, помнившая Куравлёва робким новичком, с благоговением переступившим порог Дубового зала.

— Будет водочка, холоденькая. Скажете, когда подавать горячее.

— Вот ты говоришь, пишу машину. — Куравлёв обратился к Лишустину, слегка уязвлённый его замечаниями. — А ведь государство — это тоже машина, мегамашина. Одухотворить государство, наделить его человеческими чертами, душой, понять государство как благо, а не вечное для народа несчастье.

— Государство и русский народ — разные сути. Государство давит русский народ, ломает ему косточки, а народ только слёзы утирает да терпит. Бойся, Витюха, государства. Оно тебя разжует и выплюнет, — заспорил вечный спорщик Лишустин.

— Но ведь Горбачёв старается смягчить государство, вскрывает его преступления, даёт народу свободу. — Критикесса Наталья Петрова дерзко обрвала Лишустина, которого недолюбливала за излишнее славянофильство. Она была увлечена “перестройкой”, писала статьи о Солженицыне, Рыбакове, Трифонове.

— Твой Горбачёв меченый. Его чёрт пометил. Через него с Россией большая беда случится. Он русского человека искушает, как бес. А русский человек по наивности опять в капкан лезет, — сердился Лишустин.

— От государства народ бежит. Когда последний человек сбежит от государства к Солженицыну, государство падёт, — произнёс Макавин, и было неясно, радуется ли он скорому падению государства или сожалеет об этом.

— Куравлёв сам того не сознаёт, что он государственный. Если случится выбирать между народом и государством, он выберет государство, — про бурчал Фаддей Гуськов.

— Андрей Моисеевич говорит, что настоящий художник всегда должен противостоять государству. Надеюсь, для вас Андрей Моисеевич авторитет? — Поэт Марк Святогоров строго посмотрел на приятелей, желая убедиться, что Андрей Моисеевич для каждого — непререкаемый авторитет.

— Для меня да. — Апанасьев посмотрел на Святогорова сияющими искренними глазами, — Андрею Моисеевичу доверяю. Но Семёну Израилевичу больше.

Дубовый зал наполнялся, свободных мест становилось всё меньше. Давно погасло готическое окно с витражом, сквозь которое днём проливался золотой, алый, зелёный свет. Окрашивал столы и сидевших за ними писателей. Был вечер, под высоким потолком, среди тяжёлых дубовых пролётов горела огромная туманная люстра, без сверканья хрусталей, словно была погружена в дымное облако. За столами сидели компании, собравшиеся по литературным пристрастиям.

“Деревенщики” сидели артелью, густо, слитно. Пили водку, вскакивали, обращали восторженные речи к своему духовному светочу Валентину Распутину. Тот спокойно сидел, принимая похвалы эпигонов, с лицом печальным и усталым. Словно жалел этих шумных людей, которых всех ждал горький удел неудачников. “Деревенщики” то и дело оглядывали зал, нет ли угрозы для духовного светоча. Окружали его, как пчёлы матку. Сам же Распутин был далеко от этих мест, в родной Сибири, где Ангара среди пахучих лиственниц катит в Байкал свои светлые струи.

За другим столом, среди сплочённых собратьев, сидели Фазиль Искандер и Натан Эйдельман, который страстно шевелил розовыми мокрыми губами. Остальные заворожённо внимали и вдруг разом, на весь зал, начинали хохотать. Громче всех, нарочито привлекая внимание и раздражая “деревенщиков”, хохотал Франк Дейч. Он работал на радио “Свобода” и пользовался почитанием свободомыслящих писателей. Он оглядывал зал ястребиными глазами. Куравлёв поймал на себе его острый, выклевывающий взгляд.

Уважаемые читатели!

Материалы разделов «Проза», «Очерк и публицистика», «Критика» и некоторые другие размещаются на сайте фрагментарно. Интересующий вас текст или номер журнала в формате pdf можно заказать в редакции. Файлы будут высланы на ваш электронный адрес.

Переведите удобным вам способом 100 руб. на счет «Нашего современника» (ИНН 7702042678, р/с 40703810638090101374, БИК 044525225) и затем пришлите заявку на n-sovrem@yandex.ru, указав желаемый материал (номер) и свои имя-фамилию для идентификации платежа.

Для транзакции через мобильный банк выберите «Платеж по реквизитам» и далее следуйте подсказкам. В поле «Назначение платежа» достаточно вписать номер журнала, например: 2/2021 пдф